

Нет автора

**Летописи русской
литературы и древности,
издаваемые Николаем
Тихонравовым**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым: Том 4 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 356 с.

ISBN 978-5-458-02301-6

ISBN 978-5-458-02301-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

МѢСТНЫЯ СКАЗАНІЯ ВЛАДИМІРСКІЯ, МОСКОВСКІЯ И НОВГОРОДСКІЯ.

(Двѣ лекціи изъ курса исторіи русской литературы).

1.

Словесность древняя и народная, какъ плодъ родной земли, была прикована къ извѣстной мѣстности; какъ растеніе своего климата, она постепенно возникала и процвѣтала то на сѣверѣ Россіи, то на югѣ, то на западѣ, то на востокѣ. Самыя раннія на Руси поэтическія и литературныя преданія сосредоточены къ двумъ древнѣйшимъ центрамъ русской жизни, къ Киеву и Новгороду. Вмѣстѣ съ расширеніемъ православія и княжеской власти умножаются средоточія исторической дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ. И слагаются народныя сказанія во Владимірѣ, Москвѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и въ другихъ областяхъ. И какъ изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сложилось наконецъ русское царство съ Москвою въ своемъ средоточіи; такъ и всѣ мѣстныя, такъ сказать, удѣльныя сказанія и преданія, какъ эпизоды великаго національнаго эпоса, составляютъ главное и существенное содержаніе древнерусской литературы. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа, надобно войти въ мѣстные интересы всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился. И доселѣ еще каждый изъ древнихъ городовъ, каковы Новгородъ, Муромъ, Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Псковъ сберегли свои мѣстныя преданія и сказанья, которыя даютъ особую нравственную фizioномію каждому изъ нихъ. Эти мѣстныя особенности обязательны для всякаго русскаго человѣка, потому что всѣ вмѣстѣ составляютъ онѣ его завѣтное національное сокровище.

И тѣмъ необходимѣе обратить вниманіе на эти мѣстныя черты общей русской національности, что, вошедши въ основу народнои жизни, онѣ на время потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ, потому что литература новая, т. е. съ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка до нашихъ временъ, стремится уже стать выше всякаго мѣстнаго стѣпенія. Это уже не кievская литература, не новгородская, муромская или владимирская, даже не московская или петербургская, но вообще литература *русская* или, точнѣе сказать, *великорусская*. Даже въ самомъ вѣншемъ выраженіи, новая литература ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе; она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитія литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполне простить новой литературѣ, что она заглушила своей дѣятельностію все провинціальное, если бы она была дѣйствительно русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ русское государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того, отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влѣчилась по слѣдамъ литературъ западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. И такъ надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни.

Монументальные остатки прошедшей исторической жизни питаютъ въ народѣ его національное чувство, внушаютъ не только уваженіе къ своей прожитой старшинѣ, но и сознаніе собственнаго своего достоинства. Эти историческіе остатки, хотя бы и бесполезныя для практическаго употребленія развалины, имѣютъ въ жизни народа важное значеніе: онѣ говорятъ о старшинѣ и преданіи и наглядно поучаютъ каждого, точно также какъ и стѣнная живопись въ средневѣковыхъ храмахъ и миниатюры въ народныхъ книгахъ предназначались нѣкогда для назиданія неграмотныхъ. Цепстоцимое богатство и разнообразіе этихъ монументальныхъ слѣдовъ на Западѣ и необыкновенная бѣдность и однообразіе у насъ—на

первомъ же шагу при вступленіи въ обзоръ національныхъ преданій по разнымъ мѣстностямъ нашего отчотства—должны бы, кажется, остановить насъ.

И дѣйствительно, разнообразіе древнихъ зданій, сооруженій и вообще оснзаемыхъ остатковъ прошедшаго сильно въкореняется въ народѣ его поэтическія и бытовія преданія; народъ крѣпче и надежнѣе усаживается на мѣстности, которая уже сама говоритъ ему о его прошедшемъ, о его родѣ и племени, о его вѣковыхъ привычкахъ и симпатіяхъ. У насъ же на Руси при великомъ недостаткѣ въ мастерахъ и въ техническихъ средствахъ, самый матеріаль, изъ котораго городили города и сооружали храмы, препятствовалъ долговѣчности: это не камень, а дерево, которое легко исчезало и отъ перемѣнъ суроваго климата и отъ огня. Сравнивая это, по видимому, противоположное отношеніе къ родной старинѣ и на западѣ и у насъ, многіе изъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ приходили къ тому убѣжденію, что русскій народъ не привыкъ дорожить своею исторической жизнію, не умѣетъ и не можетъ дорожить ею; будто, за отсутствіемъ прочныхъ національныхъ преданій, русскій народъ, не будучи прикрѣпленъ къ родной мѣстности никакими историческими воспоминаніями, можетъ только, или безмысленно коснѣть въ суетвѣтріяхъ раскола, или же—безо всякаго сожалѣнія промѣнять свой получеловѣчскій бытъ на всякій другой, по новымъ требованіямъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Этотъ взглядъ, поселяющій презрѣніе къ русскому народу, могъ образоваться только по крайнему невѣдѣнію исторіи русскаго быта и литературы.

Чѣмъ однообразнѣе и бѣднѣе монументальными остатками наша старина, тѣмъ удивительнѣе должно быть для насъ, какъ и доселѣ сохраняются въ народѣ мѣстные преданья не только отъ временъ Юлиана Грознаго, отъ временъ Татарщины и удѣловъ, но даже отъ эпохи миѣческой. Извѣстны древнѣйшія поэтическія и литературныя преданія Новгорода и Кіева: и доселѣ освѣжаются они въ памяти народа, будучи присоединяемы то къ какому-нибудь собственному мени монастыря, какъ, напр., *Пертукскій Скитъ*, въ новгородскихъ сказаніяхъ, то къ урочищу, какъ *Кожсемаки* въ Кіевѣ и т. п.

Теперь перехода въ стверовосточную глушь древней Руси XII и XIII в., въ Залѣсье, въ дикую страну суздальской области, увидимъ, что изъ нея доносятся до насъ самыя раннія преданія о городѣ Владимірѣ, объ этомъ центрѣ новаго порядка вещей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о Москвѣ. Особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ литературныхъ и народныхъ сказаніяхъ начало Москвы связывается съ учрежденіемъ велико-княжеской власти въ Владимірѣ. Дѣйствительно и въ политическомъ отношеніи Владиміръ составляетъ естественный переходъ отъ Кіева къ Москвѣ.

Намъ уже извѣстны основныя нити преданія, сохранявшагося въ родѣ Мономаховичей, нити домашняго, фамильнаго преданія, которыми съ кіевскою святынею связывалась земля ростовская и суздальская, то есть наследственная область Всеволодова дома или Мономаховичей. Мы уже знаемъ, какъ было дорого этому княжескому роду кіево-печерское преданіе о Варягѣ Шимонѣ, знаемъ, что варяжскія святыни прославлены были чудесами, особенно въ фамиліи Всеволода, и что сынъ его Владиміръ Мономахъ взявъ мѣру кіево-печерской церкви Успенія Богородицы, мѣру, определенную варяжскимъ поясомъ, соорудилъ церковь во всемъ сходную съ кіево-печерскою и въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; и что, наконецъ, сынъ его Георгій, какъ бы следуя родовому преданію, слышавъ отъ, своего отца о чудесахъ печерскаго храма, въ ту же мѣру соорудилъ храмъ и въ своемъ княженіи въ городѣ Суздаль. Андрей Боголюбскій, по внушенію фамильныхъ преданій, въ 1158 г. положилъ основаніе Успенскому собору на Клязьмѣ.

Это родовое кіево-печерское преданіе соединено было во Владимірѣ съ новою, уже чисто мѣстною святынею, впрочемъ все же связанною исторически съ Кіевомъ. Вмѣстѣ съ иконою Богоматери Пирогощей, была принесена изъ Царяграда ¹⁾ въ даръ Юрію Долгорукому въ Кіевъ другая икона Богородицы, писанная по преданію евангелистомъ Лукою. Она была поставлена въ Вышегородскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и

¹⁾ Имя—слѣдующа преданія—отъ купца, *Пирогоца*, который вывезъ икону, ичъ вѣрше отъ мѣста, гдѣ она была поставлена, на *Царювокъ*. И доселѣ около Кіева есть селеніе *Пирогово*.

скоро обратила къ себѣ вѣрующія сердца великими чудесами. «Крилошаны входятъ въ церковь—говорить кievскій лѣтописецъ—а та чудная икона, съ мѣста своего вышедъ, стоитъ особѣ среди церкви своей. И молился князь Андрей (т. е. Боголюбскій) той иконѣ, и взялъ ночью святую икону безъ отчаго повелѣнія и побѣхалъ на русскую землю съ своею княгиннею и съ своимъ дворомъ и взялъ съ собою крилошанъ Вышегородскихъ, попа Микуду и зятя его, Нестора дьякона. И много чудесъ было имъ идущимъ до Владиміра отъ чудной иконы; и поставилъ ей храмъ на рѣкѣ на Клязьмѣ и двѣ церкви каменныя.»

Благочестивый и всеніственый князь Андрей Юрьевичъ, во всѣхъ своихъ походахъ постоянно имѣлъ при себѣ двѣ святыни—эту икону, привезенную изъ Вышегородскаго монастыря, и мечъ св. Борнса, который былъ нѣкогда княземъ въ землѣ ростовской, въ дѣдинѣ и отчинѣ князя Андрея Боголюбскаго. Этотъ князь при содѣйствіи святочтимой иконы, побѣдивъ 1-го января 1164 г. Болгаръ, въ одинъ день съ побѣдою греческаго императора Мануила надъ Сарацинами, установилъ праздновать въ этотъ день память той и другой побѣды. Съ тѣхъ поръ икона получила имя Владимірской¹⁾. Къ этому надобно присовокупить, что 26 августа 1395 г., по желанію великаго князя Василія Дмитріевича и митрополита Кипріяна, эта икона была перенесена въ Москву, спасла ее отъ наше-

¹⁾ Съ Владимірской иконою не должно смѣшивать Боголюбскую, которая отличается отъ нея изображеніемъ, и, которая представляла видѣніе, бывшее Андрею Боголюбскому, по его заказу была писана иностранными иконографами (т. е. живописцами).—Отправившись изъ Вышеграда съ иконою, писанною евангелистомъ Лукою, Андрей Юрьевичъ черезъ Владиміръ хотѣлъ захватить въ Ростовъ. Но икона остановилась и ничѣмъ не могли ее сдвинуть съ мѣста. Великое было пѣтъ молебамъ. Къ ночи князь вошелъ въ свой шатеръ и долго со слезами молился; тогда въ полночи,—какъ сказано въ житіи этого князя,—явилась сама Пресвятая Богородица очевиднѣ въ наметѣ стоящая, держа въ одной рукѣ хартию, и сказала ему: не хошу, да образъ мой несеши въ Ростовъ, но постави его во Владимірѣ, а на семь мѣстъ, во или моего Рождества церкви каменную воздвигни и обиталище иконовъ состави.—Такихъ образомъ и былъ основанъ городъ Боголюбовъ, и монастырь Боголюбскій. И такъ подъ напѣніемъ высшихъ божественныхъ силъ, надобно было оставить старое города, бѣжать изъ Києва, даже тайно—какъ говоритъ преданіе о князѣ Андрѣ, и, не доходя до стараго Ростова, основаться на повонѣ, дотолѣ необитаемомъ мѣстѣ. Таковъ историческій смыслъ этихъ священныхъ преданій.

ствія Тамерлана, и постановлена въ Успенскомъ Соборѣ, которымъ Москва также связывается съ Кіевомъ черезъ Владиміръ, Суздаль и Ростовъ.—Встрѣчена была икона въ Москвѣ на *Кучковомъ* полѣ, гдѣ тогда же былъ построенъ Срѣтенскій монастырь.

Для насъ въ литературномъ отношеніи особенно важно это *Кучково* Поле, напоминающее родственниковъ и убійцъ Андрея Юрьевича, т. е. фамилію *Кучковичъ*, о которыхъ сказанія принадлежатъ къ древнѣйшимъ преданіямъ владиміромосковскимъ.

Теперь перейдемъ собственно къ поэтическимъ мѣстнымъ сказаньямъ и преданьямъ.

Мы уже не разъ замѣчали, что христіанскіе просвѣтителіи водружали крестъ и ставили храмъ истинному Богу на развалинахъ древнихъ языческихъ капищъ. Построеніе городовъ нашими князьями было вмѣстѣ и распространеніемъ на Руси государственнаго порядка и обращеніемъ народа въ христіанскую вѣру, особенно въ дикихъ мѣстахъ сѣверовосточной Руси. Судя по урочницамъ, и доселѣ удержавшимъ языческія названія, надобно полагать, что около города Владиміра издавна было какое-то средоточіе мѣстныхъ жителей—язычниковъ. Долина находящаяся между Владиміромъ и Боголюбовымъ, и доселѣ именуется *Яриловой*. *Ярило* (отъ *ярий*—свѣтлый и горячій и *ярь*—весна, оттуда *яровой* хлѣбъ) было божество плодоносящее, божество свѣта и тепла весенняго времени. Потому и доселѣ на Яриловой долинь, между Владиміромъ и Боголюбскимъ монастыремъ, ежегодно *весною*, въ день Сошествія Св. Духа бываетъ простонародное гулянье съ хороводами, въ которыхъ особенно въ этотъ день поется языческая пѣсня:

А мы просо съяли, съяли;
Ой, *Дидь Ладю!* съяли.

По Яриловой долинь протекаетъ рѣчка *Почайна* — южное имя, вывезенное, вѣроятно, изъ Кіева дружинами Мономаховичей. Почайна орошаетъ такъ называемый *Княжіи Луги*.

Во владимірскихъ преданіяхъ сохранилась память о другомъ языческомъ божествѣ, о *Волосѣ*, въ наименованіи *Волосова*

Никольскаго монастыря, нынѣ упраздненнаго (въ 16 верстахъ отъ Владиміри). По преданію, сохранившемуся въ народѣ, Николаевскій монастырь стоялъ на возвышенности, надъ рѣкою Каличкою, на мѣстѣ уничтоженнаго языческаго капища, посвященнаго богу Волосу, и церковь и монастырскія строенія были деревянныя. По потомъ образъ Св. Николая угодника съ этого мѣста сходилъ туда, гдѣ впоследствии была построена каменная церковь — уже подъ горою, — и являлся на деревѣ висящимъ на *волосахъ*, почему будто бы и монастырь получилъ названіе *Волосова*: это уже этимологія позднѣйшихъ временъ, когда уже стало забываться миеологическое значеніе Волоса.

Теперь переходимъ къ сказаніямъ, связывающимъ начало Москвы съ судьбою Андрея Боголюбскаго. Исторически извѣстно, что Москва какъ маленькое мѣстечко отдаленной суздальской области, существовала уже въ 1147 г., когда марта 28 угощаль въ ней Георгій Долгорукій Святослава Ольговича и бояръ его. Рассказываютъ позднѣйшія лѣтописи, будто Георгій же и построилъ этотъ городъ. Къ этому присовокупляютъ, будто бы этотъ князь, пріѣхавъ на берегъ Москвы-рѣки, въ село богатаго боярина *Степана Ивановича Кучки*, велѣлъ умертвить его за какую-то дерзость, а сына его Андрея, княжившаго тогда во Владимірѣ суздальскомъ, женилъ на прекрасной дочери казненаго боярина ¹⁾. По сказаніямъ, эта супруга Андрея называлась Улитюю. Какъ бы то ни было, но исторически извѣстно, что братья ея Кучковичи ночью въ расплехъ умертвили князя Андрея въ Боголюбовѣ, мстя за то, что онъ казнилъ за какое-то преступленіе одного изъ ихъ братьевъ. Можетъ быть, въ этомъ убійствѣ и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ грабежѣ, слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворившейся въ центрѣ ихъ новой силы. Но для насъ важна именно эта семейная драма, которая оставила по себѣ глубокіе слѣды въ мѣстныхъ народныхъ сказаніяхъ.

¹⁾ Карашкина, Истор. Госуд. Рос. Т. 2, стр. 217. примѣч. 301 по второму изданію.

Въ народѣ доселѣ живутъ преданія о мѣстѣ казни убійць Андрея Боголюбскаго. Верстахъ въ семи отъ города Владимира, нѣ въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ называемое *Пловучее Озеро* ¹⁾, съ одной стороны окруженное густымъ сосновымъ боромъ, а съ другой мелкимъ кустарникомъ. Болотистые заросшіе мхомъ берега его, обильные ягодами, привлекають сюда горожанъ и поселянъ. Но лишь только начинается смеркаться, всѣ спѣшатъ удалиться отъ этого озера, въ черной водѣ котораго будто бы и доселѣ плавають колоды съ тѣлами казенныхъ убійць князя Андрея Боголюбскаго. Министыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега озера къ другому, преданіе обратило въ могильныя колоды, не сгнившія будто бы въ теченіе многихъ столѣтій. Тѣла Кучковичей, которыхъ,—какъ говоритъ преданіе,—вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятками, стали неподвержены тѣлѣнію для вѣчныхъ томительныхъ мученій. Ночь на 2^ю іюня, когда въ 1175 г. было совершено убіеніе князя Андрея—по мѣстнымъ разсказамъ—бываетъ самая мучительная для Кучковичей и самая страшная для запоздалаго путника. Будто бы слышится тогда унылый стоиъ заключенныхъ злодѣевъ, колоды ихъ потрясаются и озеро волнуется.—Фантазія народная, отдавая такимъ образомъ по своему отчетъ объ историческихъ дѣателяхъ отдаленной эпохи, не пощадила въ своихъ преданіяхъ и супруги Андреевой, Улиты, которая будто бы волею или неволею была соучастницею въ злодѣяніи.

Тоже въ верстахъ въ семи отъ Владимира, по большой муромской дорогѣ, есть другое озеро, называемое *Поганымъ* или *Поганцѣмъ*. Въ народѣ разсказывается, будто по повелѣнію брата Андреева, Михаила за свое преступленіе княгиня Улита, дочь Кучки, брошена въ это озеро съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и будто бы съ тѣхъ поръ получило оно названіе *Поганого*.

Та же самая семейная драма, съ измѣною, убійствами и местью вносится въ сказанія о началѣ Москвы, съ грубыми анахронизмами, но, очевидно по стариннымъ народнымъ пре-

¹⁾ Древній Боголюбовъ городъ и монастырь. Доброхотова 1852 г. стр. 116—118.